2. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – Москва : Наука, 1989. – 408 с.

3. В. В. Набоков : pro et contra : Личность и творчество Владимира Набокова в оценке рус. и зарубеж. мыслителей и исследователей : Антология / Сост. Б. Аверин и др. – Санкт-Петербург : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999. – 975 с.

4. Гаспаров, Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX века / Б. М. Гаспаров. – Москва : Наука, 1999. – 237с.

5. Горький, М. Песня о буревестнике / М. Горький. – URL: https://www.culture.ru/poems/33298/pesnya-o-burevestnike (дата обращения: 13.03.2024).

6. Мастепак, Т. Г. Мотив ветра/бури в романе В. Набокова «Отчаяние» / Т. Г. Мастепак, Е. А. Полева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2019. – № 6. – С. 47–55.

7. Набоков, В. В. Отчаяние / В. В. Набоков. – Москва : ООО «Издательство АСТ», 2022. – 224 с.

8. Полянина, А. С. Визуализация как принцип повествования в романе В. В. Набокова «Отчаяние» / А. С. Полянина // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2013. – № 6. – С. 177–187.

Проскурякова Дарина Олеговна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Скокова Динара Сергеевна,
кандидат филологических наук, доцент

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЗАПАХОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ М. ПЕТРОСЯН «ДОМ, В КОТОРОМ…»

Аннотация. В статье рассматриваются запахи в разных аспектах (и как наполняющие пространство, и как атрибуты персонажей, а также в контексте их рецепции «домовцами») в произведении М. Петросян «Дом, в котором…». В романе запах становится одним из ключевых средств различения «своего» и «чужого», внутреннего и внешнего. В Доме запахи играют роль коллективной памяти и идентичности, часть личности «домовца» – собственный запах. «Обнюхивание» выступает ритуалом узнавания, а нюх – необходимым для этого инструментом.
Ключевые слова: ольфакторный код, запах, ритуальное «обнюхивание», пространство, деталь.

Proskuryakova D. O.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article examines odors in various aspects (both as a filling of spaces and as attributes of characters, as well as their reception by the residents of the House) in M. Petrosyan's novel "The House Where...". In the novel, odors become one of the key means of distinguishing between "one's own" and "foreign", between the inner and the outer. In the House, odors play a role in collective memory and identity, and a part of the "House dweller's" personality is their own scent. Sniffing becomes a ritual of recognition, and the sense of smell becomes a necessary tool for this purpose.
Keywords: olfactory code, smell, sniffing, space, detail.

FUNCTIONING OF ODORS IN M. PETROSYAN'S WORK «THE HOUSE IN WHICH...»

В современной гуманитарной науке всё большее внимание уделяется исследованию сенсорных кодов в литературе. Они используются для создания образности, передачи

чувственных впечатлений, раскрытия авторской концепции мира. Среди них рассмотрим подробнее ольфакторный, как систему мотивов, а также образов, наделённых семантикой запаха.

Значимым компонентом в художественных произведениях нередко выступают запахи, они могут вызывать различные ассоциации и эмоции у персонажей и читателей, ассоциироваться с определенными местами, событиями или персонажами, а также эмоциональными состояниями. Так, в тексте произведения М. Петросян «Дом, в котором…» запахи в структуре пространства и образов персонажей создают систему ольфакторных (от лат. «обонять») кодов.

Исследование специфики функционирования запахов в структуре романа, их роли в формировании художественного пространства и системы персонажей показывает, что в романе М. Петросян «Дом, в котором…» запах становится одним из ключевых средств различения «своего» и «чужого», внутреннего и внешнего. Слепой: «всегда лучше пахнуть тем, что тебя окружает – одно из правил выживания в Лесу. Сделавшись его частью, отведешь беду. Немного похоже на копирование интонаций собеседника» [3. с. 58]. Таким образом трудно представить более сильный знак повседневности, нежели привычный запах «своего».

У воспитанников интерната существует своеобразный ритуал посвящения и инициации для новоприбывших детей. Их гоняют, колотят, пугают, испытывают на прочность, что является как бы первой фазой ритуала инициации, разрывом с детской наивностью, надеждой на помощь родителя. Новичка не принимают до тех пор, пока запах Наружности не выветрится, но даже когда заканчивается период «избиения», он не может стать полноценным жителем Дома какое-то время [1, с. 6]. В Доме запахи играют роль коллективной памяти и идентичности, часть личности «домовца» – собственный запах.

Обнюхивание выступает ритуалом узнавания, а нюх – необходимым для этого инструментом. Также можно выделить в языковом кодировании категории хорошего / плохого и приятного / неприятного запаха, конструкции «запах чего-либо». В произведении присутствуют такие категории как «запах-образ», реальный запах и «запах-описание».

Так, одна из надписей на стене Дома гласит: «Мальчики, не верьте, что в раю нет деревьев и шишек. Не верьте, что там одни облака. Верьте мне, ведь я старая птица, и молочные зубы сменила давно, так давно, что уже и не помню их запах. Мысленно с вами всегда. Ваш папа стервятник» [3, с. 162]. Запах «молочных зубов», становится метафорой детства, незрелости, его забывание свидетельствует о том, что прошло множество лет, проведенных в «Доме», умудрение опытом и владение «истиной».

Особенность хронотопа «Дома, в котором…» заключается во взаимодействии трех миров: «Наружности», лежащей за пределами интерната, самого Дома и находящегося внутри него многоуровневого мистического пространства, «Изнанки». Петросян обращается к фольклорному мотиву пересечения границы, чтобы маркировать перемещение героев из одного мира в другой. Важно отметить, что сам Дом оказывается границей. В «Наружности» он стоит между пустырями и называемым «Расческами» скоплением многоэтажек: «На нейтральной территории между двумя мирами – зубцов и пустырей – стоит Дом» [3, с. 2].

Особое внимание в романе уделяется моменту возвращения персонажей из «наружности» – внешнего мира. Наружность – это пространство за пределами Дома, которое представляет собой совокупность обонятельных (в том числе) образов. В произведении отмечается, что по законам Дома бестактно вспоминать Наружность, потому что страшнее неё нет ничего. Каждый раз, когда кто-то возвращается в Дом, его сопровождает характерный запах, который сразу же улавливают остальные. «Этот запах различают только дети Дома. Неуловимый запах материнского тепла, утреннего какао, школьных завтраков, может, даже собаки или велосипеда. Запах своего дома. Чем дальше в прошлом у жителя Хламовника этот запах, тем лучше он его чует» [3, с. 138]. Запах матери выступает как родной для ребенка, является высоко значимым. Также в цитате присутствуют сразу три категории ольфакторного кода: запах-образ «велосипеда», запахи-описания эмоций и ассоциаций героев от «материнского тепла», «своего дома», а также реальные запахи какао и собаки. Возвращение

персонажа в Дом также сопровождается принесенными из Наружности запахами: «Он вернулся, и с ним в комнату ворвался запах наружности – мокрый асфальт, бензин и что-то ещё, неуловимое, но чужое» [3, с. 21]. В контексте образа пространства наружности семантика запахов сводится к дихотомии своего и чужого.

Стоит отметить, что в «Доме…» запахи существуют не сами по себе, у них всегда есть реципиент, поэтому запах функционирует в связи с мотивом нюха (учуянного запаха) и обнюхивания – всякий раз этот ритуал сопровождает прибывшего из «наружности». Названная пара мотивов сигнализирует о пересечении границы между двумя мирами и свидетельствует об особой чувствительности обитателей Дома к переменам.

За несколько лет проживания в Доме, где царят свои законы и традиции, из воспитанников «выветриваются» последние запахи Наружности. К выпуску это уже совсем иные люди с мышлением и характером, не соотносимыми со внешним миром. Запах поэтому в произведении служит не только для создания атмосферы, но и для раскрытия внутренних состояний персонажей, их связи с прошлым и особенностей восприятия окружающего мира. «Здесь плохо пахнет, – сказал Седой. – Чем дальше, тем хуже. Ты понимаешь, о чем я говорю – у тебя есть нюх. Сейчас плохо, но в самом конце будет хуже. Я знаю, я уже видел такое. Я помню прошлый выпуск, тот, что был до нашего» [3, с. 33]. «Плохой» запах для Седого обозначает тревожное предчувствие, предзнаменование повторения травматичного прошлого.

«Я вовсе не тот безупречный Сфинкс, которого она любит. Но и это не самое страшное. Самое страшное, что мне очень бы хотелось им быть. Правильным, добрым, всепрощающим парнем, который ей так нравится. Будь я таким, то, наверное, светился бы. Источал бы сияние и неземные ароматы, как покойный святой» [3, с .830]. Эпитет «неземные» (ароматы) имеет семантику приятного, хорошего запаха, но аромат не конкретизирован.

Мотивы обнюхивания и «чуяния» запахов вскрывают в структуре персонажей процессы расчеловечивания, уподобление их животным: «Делаясь пациентом, человек утрачивает свое «я». Стирается личность, остается животная оболочка, смесь страха и надежды, боли и сна. Человеком там и не пахнет. Человек где-то за пределами пациента дожидается возможного воскрешения. А для духа нет страшнее, чем стать просто телом» [3, с. 156], или: «Все ведут себя одинаково. Мечутся, стараясь спрятать все свое поглубже в себя, прячутся сами и прячут своих птиц, пятятся, пятятся и пахнут страхом; стараясь при этом улыбаться, острить, ссориться, кормиться и размножаться, а Горбач не умеет как все, его хватает только на первую, откровенную часть действий, и это делает его еще более несчастным» [3, с.11]. Наряду с одаризмами (прямыми называниями запахов) в приведенных цитатах, а также в произведении в целом, запахи приобретают метафорическую природу. Эмоциональное состояние, образы героев или характеристика пространства уподобляются запахам.

Зооморфность обитателей дома вследствие действующих в романе процессов расчеловечивания связана, с одной стороны, с мотивом оборотничества, «инаковости» людей с недугами, уподоблению животным, а с другой стороны – является атрибутом игрового поведения персонажей. Деантропологизация проявляется и в том, что обитатели интерната лишены обычных для человечества благ: имеют физические недуги (болезни), лишаются «своего дома», полагаются на обоняние и живут по законам, схожим с законами дикой природы.

Таким образом, запах в романе выполняет несколько функций: отделяет внутренний мир Дома от внешнего мира, связан с процессом взросления; подчёркивает изоляцию и уникальность и инаковость пространства Дома; отражает изменения, происходящие с персонажами в ходе их жизни в Доме. Ольфакторная составляющая является пусть и не центральной, но значимой величиной в определении специфических особенностей пространства романа: Изнанки, Дома и Наружности. Коды, сопровождающие образы названных пространств, становятся его косвенной характеристикой наряду с другими сенсорными кодами [2, с. 8].

Список источников

1. Воронкова, П. Е. Архетипический образ дома в пространстве и времени произведения М. Петросян «Дом, в котором…» / П. Е. Воронкова // Образовательный портал «Одуван» : [сайт]. – URL: https://oduvan.online/wp-content/uploads/2017/05/Voronkova.pdf (дата обращения: 11.05.2026).
2. Левинсон, А. Повсюду чем-то пахнет / А. Левинсон // Ароматы и запахи в культуре/ сост. О. Б. Вайнштейн. – Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – Кн. 2. – С. 7–39.
3. Петросян, М. Дом, в котором… / М. Петросян. – Москва : Гаятри/Livebook, 2009. – 960 с.

Рзаева Виктория Рафаиловна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Куляпин Александр Иванович,
доктор филологических наук, профессор

ОБРАЗ ДОМА И МОТИВ ПУТИ В ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ 1960-Х ГОДОВ: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПРОЗЫ Ю. ТРИФОНОВА И В. БЕЛОВА

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу образа дома и мотива пути в прозе Ю. Трифонова (роман «Исчезновение») и В. Белова (повесть «Привычное дело») в контексте публицистического дискурса 1960-х годов. На основе хронотопического подхода М. М. Бахтина и концепции «антидома» В. Н. Топорова выявляются две модели художественного осмысления кризиса традиционных ценностей. Анализируется типология мотива пути и взаимодействие литературы с публицистикой эпохи.
Ключевые слова: образ дома, мотив пути, хронотоп, Ю. Трифонов, В. Белов, публицистика 1960-х годов, «оттепель», антидом.

Rzaeva V. R.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article presents a comparative analysis of the image of home and the motif of path in the prose of Yu. Trifonov (the novel "Disappearance") and V. Belov (the story «A Habitual Matter») within the context of the journalistic discourse of the 1960s. Based on M. M. Bakhtin's chronotopic approach and V. N. Toporov's concept of the "anti-home," two models of artistic interpretation of the crisis of traditional values are identified. The typology of the motif of path and the interaction between literature and journalism of the era are analyzed.
Keywords: image of home, motif of path, chronotope, Yu. Trifonov, V. Belov, journalism of the 1960s, «thaw», anti-home.

THE IMAGE OF HOME AND THE MOTIF OF PATH IN LITERATURE AND JOURNALISM OF THE 1960S: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PROSE OF YU. TRIFONOVANDV. BELOV

1960-е годы в Советском Союзе стали периодом глубокого противоречия между утопическими проектами модернизации и кризисом традиционного уклада. В этом контексте дом становится символом утраченной цельности, а путь – метафорой вынужденного движения в неизвестность. Обращение к творчеству Ю. Трифонова и В. Белова, представляющих городскую и деревенскую прозу, позволяет выявить различные модели художественного